

История русского консерватизма и славянофилы

Сначала несколько слов в контексте выступления Михаила Александровича [Маслова. – Ред.]. Я уже слышал его высказывания по поводу «Русской идеи», он давно занимается этой темой, и у меня никаких возражений на сей счет нет. Но хотелось бы отметить, что проблема национальной идеи возникла намного раньше – с того момента, когда Гегель сформулировал эту концепцию, эту проблему. Есть работы, посвященные истории философии Гегеля в России, в которых указывается на размышления самого Гегеля, который начиная с 1820-х годов воспринимает Россию как страну, наиболее интересную с точки зрения развития будущей истории, возможности реализации «русской идеи». Он пишет Борису Иксюлю, что Россия сейчас является одной из самых великих держав, но она располагает возможностями для дальнейшего развития своей природы. Гегель здесь опережает Герцена, говоря о том, что многие страны уже выполнили ту задачу, которая им предназначена, а России это еще предстоит. Мы видим, что в двадцатые, тридцатые и сороковые годы соответствующая проблема уже обсуждается, хотя термина «русская идея» еще нет.

Мне представляется, что идея «национальной идеи» возникает еще у Чаадаева в «Апологии сумасшедшего». Он пишет, что славяне (славянофилы) не понимают, что за каждым историческим фактом лежит идея. Он несколько раз повторяет это начиная с 1837 года, а в 1842 году, не будучи уверенным, что письмо дойдет, дважды пишет Шеллингу о славянофилах – дескать, распространились поборники философии гегельянства, которые хотят изменить идею страны. Видно, что это – результат тех споров, которые были в конце 1830-х годов между Чаадаевым и Хомяковым, уже активно работавшим над своей «Семирамидой», которую он так и не сумел закончить. В 1858 году он сформулировал свою идею о том, что смысл роли России стать самым христианским народом, стать самым моральным, нравственным народом, сохранить ту чистоту христианства, которая осталась в русской истории.

Далее идея развивается – Владимир Соловьев уже использует термин «русская идея»...

Но появилась эта проблема в 1820–1830-х годах. Тогда же, на этой гегельянской проблематике, возник и феномен русской интеллигенции. Почему у нас за сто лет возникло столько всемирных проектов? Одно из объяснений этому – концепция национальной идеи.

Бердяев опубликовал свою первую работу в 1908 году – статью «А.С. Хомяков как философ». Это был период написания знаменитой монографии 1912 года [«Алексей Степанович Хомяков». – Ред.]. И до конца его жизни можно перечислить около трех десятков работ, где тема славянофильства постоянно обсуждается. И потому проблема «Бердяев и славянофилы», прежде всего «Бердяев и Хомяков», очень актуальна. Я специально перечитал статью Федотова «Бердяев как мыслитель», в которой он пишет об истоках бердяевских идей, ссылаясь на славянофилов и на Хомякова.

Очень яркий эпизод связан с тем, что Н.А. Бердяев активно выступил в защиту славянофилов после публикации в 1916 году книги П.А. Флоренского «Около Хомякова». На Флоренского тогда ополчилось всё его окружение. Флоренский потом сказал, что на эту тему он больше писать не будет. Бердяев часто критиковал Хомякова за его либерализм, демократизм, консерватизм, за то, что у него ценности не хватает. Но здесь он открыто говорит, что Хомяков – это наше наследие, от него отказываться нельзя, потому что если мы сейчас откажемся от славянофилов, то следующим будет Владимир Соловьев. После 1920-х годов у Бердяева произошли большие изменения в отношении к славянофилам. «Истоки и смысл русского коммунизма», «Судьба России» – в них он несколько по-иному интерпретирует славянофильское наследие. Но в любом случае, лучшей работы, чем Бердяев, посвященной Хомякову, конечно, никто не написал. Она останется классической надолго.

В «Философии неравенства» из русских Бердяев причисляет к консерваторам Пушкина, Леонтьева, Достоевского. Славянофилов он в этом отношении обходит. В «Русской идее» он вновь к этой тематике возвращается.

Проблема истории русского консерватизма очень актуальна, и мы сегодня только пытаемся осмыслить ее. Надо признаться, что самым интересным и авторитетным историком консерватизма в России является Ричард Пайпс. Его выступление на упоминавшемся выше конгрессе я прочел сразу же по выходе брошюры. Его выводы в отношении истории консерватизма в России совершенно не устарели, на них можно до сих пор ссылаться. Пайпс сказал следующее. В 1830–1840-х годах начинается новый этап, период интеллигентского консерватизма, когда идеал единства не самодержавия и дворянства, а самодержавия и народа. Кроме того, консерватизм перестал быть космополитической идеологией, он превратился в идеологию с выраженным национальным оттенком. Теоретическое обоснование консерватизма, характерное для середины XIX века, – это отрицание рационализма, упор на живую жизнь, которая намного богаче всех теоретических размышлений. В философском отношении это переориентация с Гегеля на Шеллинга.

Наша история очень трагична, особенно эпоха Николая II. Он со своей семьей расплатился за то, что не решился сделать Николай I. Многие проблемы нашей современной истории коренятся в 1830–1840-х годах. Г.В. Плеханов говорил, что в них – фокус, где сходятся и расходятся все лучи русской мысли. В этот период и в 1850-х годах в России могла сформироваться идеология консерватизма, в первую очередь благодаря славянофилам. Ключевой фигурой должен был быть Ю.Ф. Самарин, он был государственным. Почему Бердяев все время критикует славянофилов и говорит, что они заигрывают с либерализмом и демократизмом? Потому что у них имело место отрицательное отношение к государству. Он прав, если иметь в виду К.С. Аксакова, который говорил, что государство по своей природе есть зло. Соответствующие взгляды повлияли и на М.А. Бакунину.

Но в славянофильстве был очень мощный и государственный элемент. Ю.Ф. Самарин в 1846 году, в своей работе «О мнениях “Современника”, исторических и литературных», предполагал, что русская история будет развиваться во многом исходя из крепкого политического устройства России. И здесь никаких размышлений о том, что политика – это внешняя правда, у него практически не встречается. Он сопоставляет политическую ситуацию в России с Англией. Он задается вопросом, кто такие английские консерваторы – это европейские славянофилы, а мы фактически повторяем в политическом отношении те идеи, которые защищают тори. Какая между нами разница? Основа английского консерватизма – аристократия, основа русского консерватизма – черная изба крестьянина. И эту идею, по его мнению, надо развивать.

В результате была сформирована определенная идеология, в чем-то противоречивая. Она сочетала в себе основные консервативные принципы (традиции, основы древнерусского просвещения; их надо сохранять и развивать). В политике, которую проводили славянофилы в 1850-х годах, многие эти идеи в явной форме реализовались. Несмотря на имевшиеся разногласия, мировоззрение славянофилов было единым, что достигалось авторитетом Хомякова. (После его смерти этого уже не было.) Свидетельством наличия цельного мировоззрения было то обстоятельство, что славянофилы никуда не разбежались, в отличие от западников. Они до конца жизни оставались верными своей идеологии. Особенно активно эту политику они проводили через журнал «Русская беседа». Т.Н. Грановский писал К.Д. Кавелину 2 октября 1855 года: «Я до смерти рад, что они затеяли журнал... Я рад потому, что этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения, которыми морочили они детей, таких, как ты. Надобно будет сказать последнее слово системы, а это последнее слово – православная патриархальность, не совместная ни с каким движением вперед»¹. Дежурное обвинение было, что они обскуранты и отрицают всякий прогресс.

Но славянофилы показали свое умение отвечать на потребности времени. Здесь блестяще проявили себя И.С. Аксаков, который занимался редактированием номеров, и А.И. Кошелев, формировавший политику журнала. Аксаков пишет: «Мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность». Практически, либеральная политика.

Главное в славянофильстве то, что они сумели использовать идейную основу консерватизма; безусловно, защищать всё, что есть, быть поборниками реакционного консерватизма они не могли. Они понимают, что нужны изменения, которые должны опираться на традиции и которым изменять нельзя. Самарин задается вопросом: не получается ли, что мы отказываемся от той идеологии, которую провозгласили и которую защищаем? Хомяков пишет Самарину, что истинный прогресс заключается в консерватизме, а славянофильство – «это дело прогресса истинного, который потому самому есть истинный консерватизм», «меня утешает, что во многих из ошибающихся консерваторов я вижу задатки истинного прогресса, который часто исключаю во многих прогрессистах».

Если бы славянофилы имели возможность до конца высказаться, влиять на политику... Самарин не раз высказывал сожаление, что политике Александра II не хватает осмысленности. Он часто бравировал, говоря, что может сделать что угодно, потому что наши верхи сами не понимают, какую политику они защищают.

Последующие реформы были половинчатые. Но то, что могли сделать славянофилы, они делали максимально результативно, например, земские реформы, реформа системы городского устройства. Та же самая Москва – в топонимике мы не знаем больше следов фамилий славянофилов, но две улицы в Москве носят имена Дмитрия Федоровича Самарина и Юрия Федоровича Самарина. После их смерти они были названы и до сих пор сохранены.

Что же касается Николая Александровича Бердяева, его можно рассматривать как человека глубокого и хорошо понимающего звучание струн русской истории, русской философии и истории русской мысли. Но видеть в нем классика консерватизма сложно. Бердяев показал пластичность русской души, и в своей религиозной философии, и в разработке идеологических проблем – во всем этом он показал себя как мыслитель самого высокого уровня.

¹ Грановский Т.Н. Переписка. М., 1897. Т. II. С. 456–457.